

Yuri ALEKSANDROV

“A good name is sooner lost than won...”

Memoirs in the form of an interview with Yuri Aleksandrov, the founder and artistic director of the State Chamber Music Theater “The St. Petersburg Opera”. The famous opera director talks about his years of study at the Secondary Special Music School of the Leningrad Conservatory, the threshold of which he crossed exactly 60 years ago.

Keywords: Y. I. Aleksandrov, music theater, opera directing, Secondary Special Music School of the Leningrad Conservatory, “The St. Petersburg Opera”.

Юрий АЛЕКСАНДРОВ

«Берегите честь смолоду...»

Воспоминания в форме интервью основателя и художественного руководителя Государственного камерного музыкального театра «Санкт-Петербург Опера» Юрия Исааковича Александрова. Знаменитый оперный режиссер рассказывает о своем обучении в школе-десятилетке Ленинградской консерватории, порог которой он переступил ровно 60 лет назад.

Ключевые слова: Ю. И. Александров, музыкальный театр, оперная режиссура, Средняя специальная музыкальная школа Ленинградской консерватории, «Санкт-Петербург Опера».

Выпускник школы-десятилетки Ленинградской консерватории Юрий Александров ныне — Народный артист Российской Федерации, основатель и художественный руководитель Государственного Камерного музыкального театра «Санкт-Петербург Опера», Лауреат Российской национальной театральной премии «Золотая маска», Лауреат высшей театральной премии Санкт-Петербурга «Золотой софит», обладатель премии «За выдающийся вклад в развитие культуры и искусства Санкт-Петербурга»... В российских и зарубежных оперных театрах он поставил более 200 спектаклей. Его постановкам аплодировали зрители в США, Италии, Турции, Литве, Латвии, Белоруссии, Казахстане, его спектакли шли на самых престижных сценах мира: Большого и Мариинского театров, Метрополитен Опера, Арена ди Верона, Ла Скала...

Между тем, в свое время он окончил десятилетку как пианист и с этой школой связан теснейшими связями. Скоро можно будет говорить о династии Александровых на переломе Матвеева: там училась его дочь, известная петербургская арфистка Елизавета Александрова, а в 2019 году на подготовительное отделение поступила внучка Юрия Исааковича...

Дмитрий Брагинский. Юрий Исаакович, давайте поговорим о годах вашей учебы в десятилетке. Вы учились с первого класса? Как получилось, что вы попали именно в десятилетку?

Юрий Александров. Я учился со второго класса. Дело в том, что мама, которая воспитывала меня одна, пыталась проявить все мои способности: я занимался и фигурным катанием на профессиональном уровне, и музыкой с дошкольного возраста. Когда пришло время идти в школу, то музыка победила, и нужно было поступать либо в школу при Капелле, либо в десятилетку. Мой дед был главным настройщиком инструментов в Капелле, но это сложная история.

Во мне очень много кровей. Моя бабушка была дворянкой, училась в Смольном институте, и после революции ее насильно выдали замуж: «смолянок» красноармейцы приставили к стенке и навели дуло пуле-

мета. Бабушка с сестрой вышли вперед и с ними еще одна смелая девушка. Бабушке в мужа достался цыган Мишка, Михаил Александрович, игравший, как оказалось, чуть ли не на всех музыкальных инструментах. Всех остальных девушек в тот день расстреляли на бабушкиных глазах. Моя мама в свое время полюбила чистокровного еврея, Исаака Мееровича, капитана военно-морского флота. У Исаака была ортодоксальная еврейская семья, а мама выросла в национальной русской атмосфере. Когда из меня начали делать типичного еврейского мальчика, мама сказала наотрез, что этого не будет. Родители запретили им видеться, брак распался. Исаак через какое-то время эмигрировал за границу, иногда давал о себе знать моей маме. Вот я и получился: цыган, князь, еврей. Музыкальная основа во мне была заложена, конечно, моим дедом. Кстати, я ношу его фамилию — Александров.

МУЗЫКАЛЬНАЯ ШКОЛА-ДЕСЯТИЛЕТКА
ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА ГОСУДАРСТВЕННОЙ КОНСЕРВАТОРИИ
имени Н. А. РИМСКОГО-КОРСАКОВА

1954/55 учебный год

ЛИЧНАЯ КАРТОЧКА

На ученика Александрова Юрий
 Специальность Виолончель / Рояль
 Класс фед. Крутиковой / К. З. Стогмарь. Р. Д.

Год рождения 1950 г.
 Год поступления в школу 1959 г.
 В каком классе учится IV кл.

Когда мы пришли поступать в десятилетку, я был неплохо подготовлен: со мной занималась Эсфирь Израилевна Штейнбок, которая там преподавала. Но когда наступили экзамены, она сказала, что «мы не знакомы, и пусть он поступает как бы сам». Я сдал все прослушивания на отлично, но чтобы попасть в класс фортепиано, нужно было еще заплатить взнос, а у мамы таких денег не было. Тогда нам предложили пойти на виолончель. Потом судьба складывалась следующим образом. Я учился у замечательного педагога, Изабеллы Абрамовны Гуткиной. Но вскоре началась антисемитская кампания, и ее выжили из десятилетки, хотя она была чудесным музыкантом. С ней виолончель хорошо легла мне на руки. Когда мы общались с Ростроповичем, он посмотрел на мои руки и сказал: «Пальцы виолончелиста». Я играл прилично, мне это даже было интересно. Но когда выгнали Изабеллу Абрамовну, началась чехарда с педагогами, и мне это настолько надоело, что я заходил в автобус последним и оставлял край виолончели на улице, чтобы ее зашибло дверью. В десятилетке был мастер по ремонту инструментов Иван Петрович Кривов, вот он знал эти мои выходки.

По общему курсу фортепиано я занимался у Рафаила Давыдовича Поджарова. У него были определенные амбиции: он хотел иметь специалистов. И занимался он со мной как по специальности, несмотря на то, что я был виолончелистом. Кончилось тем, что у меня так зажалась рука, что я подумывал вообще уйти из музыки, когда мне стали предлагать перейти на контрабас. Это было в седьмом классе. И тогда случилось чудо: великая Лия Ильинична Зелихман захотела взять меня в свой класс. У нее учились Григорий Соколов, Павел Гилилов, Валерий Сигалевич.

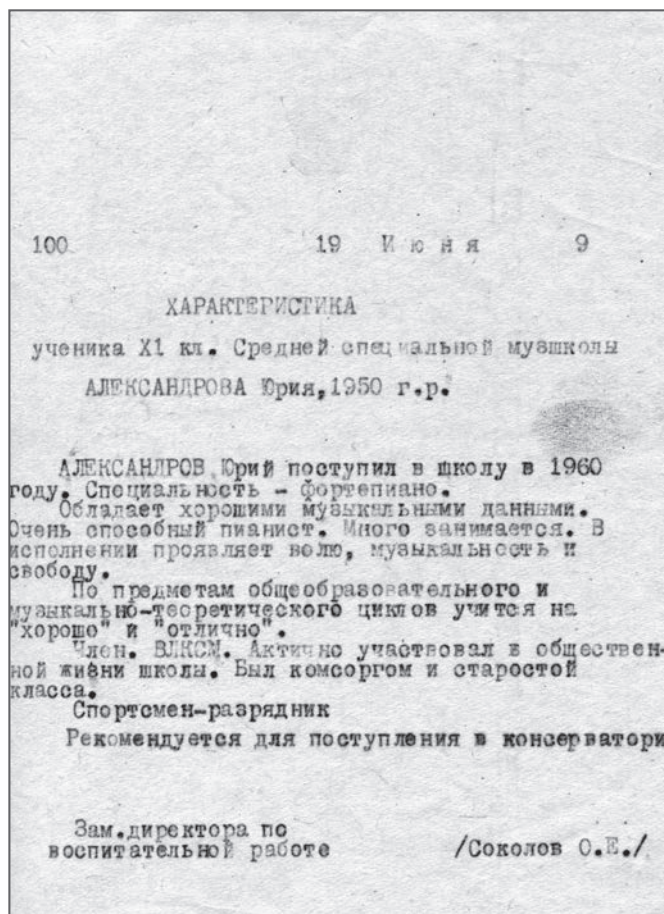
За четыре года Лия Ильинична так меня обучила, что я поступил в консерваторию как пианист. Ее классные фортепианные концерты всегда состояли из двух частей: в первом отделении «девочки и всякая мелочь», как она говорила, а во втором — «мальчики». Я оканчивал десятилетку со Вторым концертом Рахманинова. Но поскольку все равно очень много времени было потеряно, конкурсный пианист из меня не получился. Музыкантских проблем не было, но технические — были. В консерваторию я поступил к Людмиле Борисовне Уманской. Фортепианный факультет окончил у нее с отличием, получил красный диплом как концертный исполнитель и педагог. Кстати, на пятом курсе в ансамбле мы с Сергеем Ролдугиным играли виолончельную Сонату Брамса.

Примерно с третьего курса мне стало не хватать одного фортепиано. Я чувствовал, что не добираю в чем-то и обратил внимание на факультет музыкальной режиссуры. Мой друг, выпускник десятилетки Миша Боярский окончил школу годом раньше, но поступил не в консерваторию, а в театральный институт. Я к нему приходил, и меня охватывал дурман их богемной жизни — ведь это не то же, что сидеть сутками за роялем. Общение, девчонки, репетиции, в том числе ночные...

Словом, я снова поступил в консерваторию, но на факультет музыкальной режиссуры (тогда еще можно было совмещать), в класс Маргариты Давыдовны Слуцкой, и на два года позже, чем фортепианный, окончил его, тоже с отличием. Так складывалась жизнь: я все время что-то с чем-то совмещал. Даже успел послужить в армии, учась на фортепианном факультете: приходил на специальность в форме и армейских сапогах.

«Берегите честь смолоду...»

ОЦЕНКИ УСПЕВАЕМОСТИ И ПОВЕДЕНИЯ										
ПРЕДМЕТЫ	1959/60	1960/61	1961/62	1962/63	1963/64	1964/65	1965/66	1966/67	1967/68	г. 19...
	кл. 7	кл. 8	кл. 9	кл. 10	кл. 11	кл. 12	кл. 13	кл. 14	кл. 15	кл. 16
Специальность	4	3	4	5	4+	4	4+	5-	5	
Общий курс фортепиано	5									
Сольфеджио	4	4	4	5	4	4+	5	5-		
Теория музыки								5-		
Гармония					5-	4-	5	4+	4	
Муз. литература								4/4	3/4	
Дирижирование										
Чтение партитур <i>ам.</i>			5	5	5					
Хор										
Оркестр										
Рус. писмен. яз.	5	5	4	4	3	3	3	4		
Рус. устный	5	5	5	4	4	3	4	5	4	
Литература	5	5	5	4	4	5	4	5	4	
Арифметика					3	3	4	4	4	
Алгебра					3	3	4	4	4	
Геометрия							4	4	4	
Тригонометрия							4	4	4	
Естествознание			5	5	4	4	4	4	4	
История			4	5	5	5	5	4		
Конституция СССР										
География				4	4	4	4	4	4	
Физика					4	4	5	4	4	
Химия						4	4	4	4	
Астрономия				5	4	4		4	4	
Иностранный язык										
Черчение		5								
Частописание	5	4								
Ритмика										
Физич. воспитание				4	5	5	5	5	5	
Военное дело							5			
Пропущ. уч. часов	140	60	52							
В т. ч. по уваж. прич.	140	60	52							
Было опозданий	5	5	5	5-	4		5		5	
Поведение										
Итого года										
Награжден										
Переведен в след. класс, оставлен в том же классе, вылучен, исключен										
Осенние экзамены										
№ зачков БГТО и ГТО										

Д. Б. Наверно, когда вы учились в школе, то не представляли себе, что станете оперным режиссером...

Ю. А. У нас была преподавательница по литературе, Нелли Наумовна Наумова, мы с ней ставили спектакли, например, «На дне», где играл Миша Боярский. Я в нем не участвовал, но впечатление осталось.

Когда я учился на фортепианном факультете, у меня был такой предмет — методика обучения игре на фортепиано, по нему нужно было сдать письменную работу. Я написал работу на тему «Воспитание образного мышления у музыкантов-исполнителей». Например, Альфред Корто задавал своим ученикам вопрос: «Чтобы описать розу, что лучше: никогда ее не видеть или знать все сорта?» То есть, либо воссоздать ее так, как ты себе представляешь, либо знать во всех тонкостях и деталях. Я пытался подключать смежные области. Меня очень интересовал театр, но до сих пор я отношусь к оперному театру прежде всего как музыкант. Если партитура не волнует меня как музыканта, я ее не беру. Например, вот передо мной партитура оперы Даргомыжского «Эсмеральда». На ней поставили клеймо: «плохая опера». Но у гениев плохих опер не бывает, значит, плохими были те, кто это клеймо поставил и отправил на полку. Уже более полувека она не ставится. Я считаю, что это великолепная опера, только к ней надо иметь собственный подход, прежде всего,

музыкантский. Премьера этого спектакля у нас будет осенью.

Так что я, перейдя в театр, практически не сменил профессию: как был музыкантом, так им и остался. Просто области, в которые внедряется музыка, расширились. Наш театр называется «режиссерским», но для меня он, прежде всего, музыкантский. Никакая концепция режиссера не заменит отсутствие музыки. В этом и сложность. Например, сейчас мы летим в Сербию на гастроли. Обычно после представления задают вопросы, и есть тема «Ваше отношение к современному спектаклю». Прежде всего, это музыкальный материал. Текст, режиссура — это все то, что укрупняет идеи композитора. С композитором бороться нельзя. Можно бороться с примитивом, с косностью, с нищетой, с глупостью, но если начинаешь бороться с музыкой — тебе конец.

Д. Б. Если возвратиться к школьным годам, насколько они были важны для вашего последующего опыта?

Ю. А. Во-первых, это серьезное влияние на психику. Самоограничение: «ты должен заниматься». Хотя у нас были бешеные вспышки хулиганства. Например, в старших классах увлекались преферансом, запирались на швабру в классе и играли. Обожали шашлычную возле Никольского собора, позволяли себе там и вином побаловаться. Такая богемная нота, но при этом серьезные

ХАРАКТЕРИСТИКА И УСПЕВАЕМОСТЬ УЧАЩЕГОСЯ
В ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЕ

Александров Юрий - учится хорошо - без троек.
Увлекается физкультурой. Должен был поиграть грампла-
стинки по баскетболу, но не поиграл за нарушение
дисциплины. Принимал активное участие во
всех культурных мероприятиях в театре.
В IV четверти снижена оценка по дисциплине на „4“.
Классный воспитатель 9^а кл. Л.Леняко
28/V-1967г.

самоограничения, потому что вот у тебя концерт, и че-
рез две недели ты должен быть стопроцентно готов, осо-
бенно если идешь с классом Лии Ильиничны Зелихман.
Это отметало все лишнее. Завучем у нас была Елизавета
Мартыновна Саркисян, мы ее называли «Баба-Яга». Она
кричала на нас и топала ногами, но мы знали, что она
добрейший человек, да еще и потерявший всю семью
в блокаду. Она никогда не давала нас в обиду, хотя повод
мы давали. Особенно интернатские люди. Они вообще
были предоставлены сами себе, и там могло быть всякое.

Я помню, как в школе появились два прибалтий-
ских музыканта-скрипача — Гидон Кремер и Филипп
Хиршхорн, оба абсолютно разные. Филипп — красавец,
любимец девчонок, мог под всеобщее восхищение, лежа
на кровати, сыграть все двадцать четыре каприза Пага-
нини. Гидон же в это время «точил» инструмент в своей
каморке. Был еще такой замечательный скрипач Саша
Комаров, он сейчас в Португалии, если не ошибаюсь. Мы
с ним любили спорить: вот что ты сделаешь на спор? Он
как-то сказал, что выпьет два ведра воды из-под крана.
Или кто быстрее съест пирожное. В общем, жизнь была
моментами безбашенная, но без дела мы не оставались.
За это я благодарен школе, потому что она меня воспи-
тала: я знаю, что такое «надо», когда всё второстепенное
уходит и начинается работа.

Меня умудрились исключить из пионеров. Я был
председателем совета отряда и, опять же на спор, дол-
жен был произнести фразу перед одной из старших
пионервожатых: «В каком году Ленину шкурку проды-
рявили?» Я задал этот вопрос, она засмеялась и как бы
потушила эту тему, но когда мы позднее столкнулись
с ней по какому-то принципиальному вопросу, она мне
это вспомнила и инициировала исключение из пионер-
ской организации. Для меня это была почти шутка, я,
конечно, не переживал, тем более что через полгода
я был принят в комсомол и эта тема сама собой отпала.

Исключение было при всем классе, бил барабан — всё
прямо как у декабристов. В консерватории же я был ак-
тивным по комсомольской линии и даже ездил в Венг-
рию в составе группы комсомольских лидеров.

Д. Б. Кого вы помните из одноклассников?

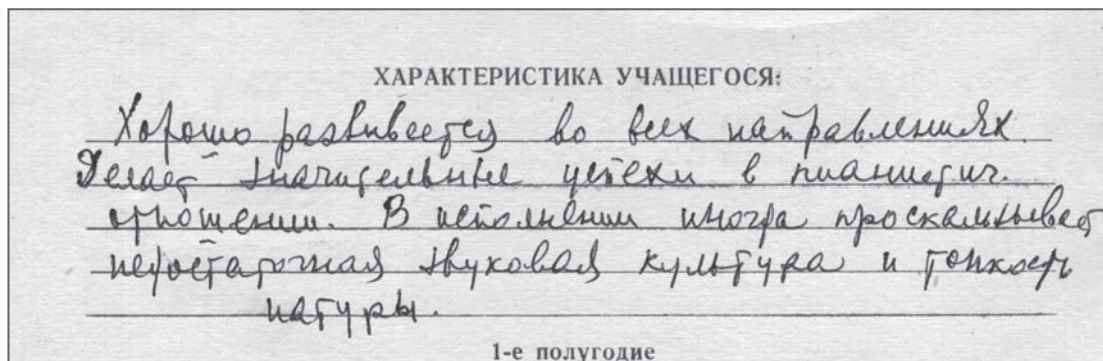
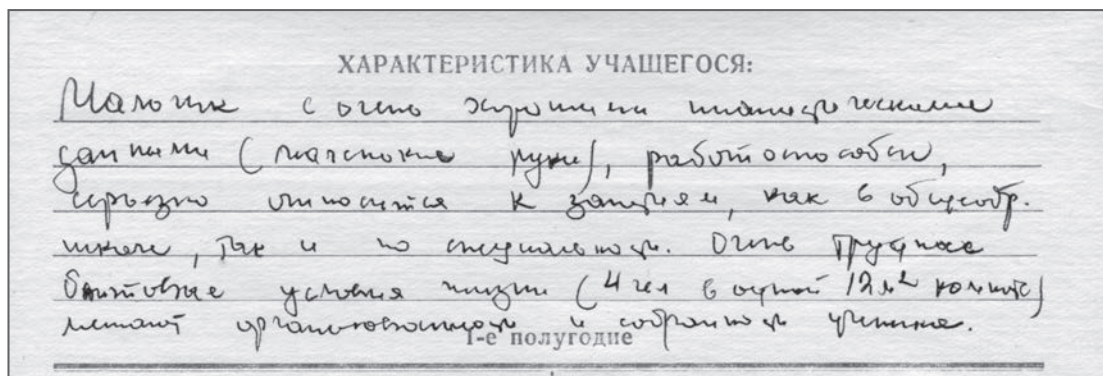
Ю. А. Все, кто учился со мной в классе Лии Ильи-
ничны, были постарше: и Павел Гилилов, и Олег Мантур,
и Григорий Соколов. Валерий Сигалевич был в моем
классе. Со мной учились Ирина Драч, Александр Свят-
кин, Михаил Махтин, Ольга Грибкова. С Мишей Бояр-
ским годом старше учился Саша Фарбер. Мы и сейчас
общаемся друг с другом, с кем еще осталась связь. Мно-
гие сделали хорошую карьеру. С Мишей Боярским было
сразу понятно, что он не пойдет в консерваторию, что
ему прямая дорога в театральный. Вся семья артистиче-
ская, он сам музыкален, с гитарой, играл в рок-ансамбле.

Д. Б. А из учителей кого вы еще могли бы
вспомнить?

Ю. А. Немецкий язык преподавала Фаина Михай-
ловна Тылина. Был очень интересный эпизод. Моя дочка
поступила в десятилетку. Встречает ее в коридоре Фаи-
на Михайловна. «Ой, какая девочка! Как тебя зовут? Ли-
зонька? Замечательно! А фамилия? Александрова? А как
зовут твоего папу? Юра? Ой... помню твоего папочку...»

Д. Б. А по-немецки сейчас говорите?

Ю. А. Говорю, но это все зависит от практики. Если
в какой-то стране я ставлю спектакль, начинаю немного
говорить на языке этой страны. Вообще, в этом смысле
я обеднил свою жизнь, поскольку языками не занимался.
Мне всегда хватало работы, бывали сезоны, когда я ста-
вил по одиннадцать спектаклей. Бывали и такие сезоны,
которые не повторит ни один режиссер в мире, когда,
например, в 2005/2006 году я поставил два спектакля
в Мариинском театре, спектакль в Большом, спектакль
в Ла Скала («Черевички»), один в Метрополитен-опе-
ра, да еще два спектакля у себя и «Буратино» в театре

«Карамболь». В тот же сезон я ставил спектакль в Казахстане, в Караганде. И вот мне звонит мой ассистент из Метрополитен-опера и спрашивает: «Вы где?» Я отвечаю: «В Караганде». Он с обидой говорит: «Я серьезно спрашиваю...» «А я серьезно отвечаю, я спектакль в Караганде ставлю».

Сейчас от многих театров отказался, мне там неинтересно. Любимый театр — это люди. Если у них горят глаза, они увлечены, то с ними можно работать. Так что бывали спектакли и в Караганде, и ничего, корона не свалилась.

К сожалению, в моей профессии очень большой недобор профессионалов. Всем театрам нужны качественные спектакли, сделанные профессионалами, и поэтому я часто не могу некоторым коллективам отказать, поскольку понимаю, что они подолгу стоят в очереди на новый спектакль. Я даже попытался преподавать в консерватории. Меня позвал Сергей Стадлер — на должность заведующего кафедрой оперной режиссуры. Полтора года отмучался и возвратился в свой свободный полет.

Д. Б. Вы что-нибудь ставили в Театре консерватории?

Ю. А. Нет, не приходилось. Мы в студенческие годы ставили спектакль «Декабристы»: текст написали сами, а музыку — мой однокурсник Константин Лопушанский, ныне известный кинорежиссер. Спектакль прошел в Большом зале консерватории. В Оперной студии я выходил в мимансе в «Кармен» — пикадором и проводником.

Д. Б. Ваша дочь окончила десятилетку?

Ю. А. Да, и школу, и нашу консерваторию, и потом аспирантуру в Москве. Она концертирует и преподает, у нее собственный курс в Петрозаводске. Моя внучка,

уже под двойной фамилией Твердова-Александрова, поступила на подготовительное отделение школы. Внуку девять лет, но он занимается музыкой для общего развития, а внучка будет арфисткой. Выстраиваем потомственную линию.

Д. Б. Что вы могли бы сказать, обращаясь к нынешним воспитанникам десятилетки?

Ю. А. Сейчас всё изменилось, поэтому будет сложно. Мы прошли период бури и натиска. Сейчас всё компьютеризировано, а еще достаточно жестко: все сейчас лауреаты каких-нибудь конкурсов. Когда я учился, пробиться на международный конкурс было чрезвычайно сложно, а сейчас сделал взнос — и поезжай. Ушел какой-то естественный отбор: всё можно, всё известно, режиссеры, ставя спектакль, могут залезть в интернет, посмотреть двадцать постановок и попытаться сложить из них свою, двадцать первую. Профессионал всегда увидит, что свое, а что чужое. Потом мы потеряли в консерватории и в школе большой педагогический состав. Сейчас средний возраст педагогов — около семидесяти лет. Мое поколение, которое сейчас бы должно было готовить музыкантов, уехало за границу. Естественно, я сужу в сравнении с Москвой: раньше мы всегда их опережали, теперь они нас оставляют далеко позади. Поэтому хочется сказать: берегите честь смолоду, это самое главное. Я думаю, даже если из кого-то не получится музыкант, музыка всё равно дает огромный запас интеллектуальной прочности в этом упрощившемся мире. Человек слышит музыку, она его волнует, и он уже не сможет сделать никакой подлости.

С Ю. И. Александровым беседовал

Д. Ю. Брагинский